

ИЗДАНИЕ КОРМЧЕЙ КНИГИ И ПРОБЛЕМА СМЕНЫ КУЛЬТУРНОЙ ОРИЕНТАЦИИ

Смены культурной ориентации, или, используя современный термин, культурного кода¹, следуют в истории России с определенной закономерностью, не затрагивая при этом глубинных пластов культуры. Наиболее ярким примером является культурная реформа Петра Великого. Предшествовавшие ей реформы царя Алексея Михайловича и патриарха Никона рассматриваются, в основном, в контексте церковного раскола, их общекультурный характер выявлен недостаточно, хотя исследователи и отмечают связь между реформами и внешнеполитическими задачами правительства². Помимо содержательной стороны, широко известной по многочисленным исследованиям³, реформы являлись способом управления обществом. Еще В.О. Ключевский, анализируя происхождение раскола, отметил, что акцент делался церковной властью не на характере производимых изменений, а на выражении лояльности к ним: «Церковная власть предписывала непривычный для паствы обряд; не покорявшиеся предписанию отлучались не за старый обряд, а за непокорность; но кто раскаивался, того воссоединяли с Церковью и разрешали ему держаться старого обряда. Это похоже на пробную лагерную тревогу, приучающую людей быть всегда в боевой готовности»⁴.

Деятельность патриарха Никона по реформированию церковного обряда, носившая манифестационный характер, сопровождалась отказом от многих форм предшествовавшей традиции «благочестия»⁵ и при этом была крайне непоследовательной, вызвала мощный протест и сделала патриарха знаковой фигурой в первую очередь для противников нового обряда. Эта символичность во многом закрыла для последующей традиции представление о тех процессах, которые предшествовали реформе в русской культуре⁶. Среди них особое место занимает рост влияния западноевропейской и украинской книжности посредством книгопечатания⁷.

Печатные издания значительно изменили культурное пространство славянского мира. Небольшие типографии, возникавшие на его окраинах⁸, меняли соотношение «столиц» и «провинций», ломали созданные новым временем границы государств. Печатники стремились узнать достижения своих коллег, соотносили свои издания с тем, что выходило в других центрах. Одновременно печатные издания сами становились тем пространством, на котором осуществлялась резкая межконфессиональная полемика⁹ в связи с усилением в христианстве разделений, принявших характер военных баталий. Книгопечатание сделалось инструментом конфессионального обучения и конфессионального разделения.

В славянском книгопечатании можно отметить тенденцию к сохранению универсального славянского языка как языка веры и культуры – печатные книги могут быть обращены «к христианскому многочисленному народу словенского языка»¹⁰ – и появление изданий на национальных языках, резко сокращающих пространство распространения изданий. В качестве примера можно привести издания Трансильвании и Валахии¹¹, в которых сочетаются славянские и румынские тексты. Исследователи отмечают также функциональность в разделении языков: если язык богослужения оставался славянским, то проповедь и богословская полемическая литература переходила на язык, включающий разговорный субстрат¹². Так, например, в Требнике Петра Могилы в статье «О таинстве супружества» обращение священника к брачующимся дано, как сказано в самом Требнике, на русском языке (по современной классификации – «простой мове»): «маешь имярек не отменныи и статечныи умысл заручити собе теперь тую»¹³, в то время как сам чин венчания помещен на славянском языке. Одно из

* **Белякова Елена Владимировна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

важных культурных изменений эпохи книгопечатания – ориентация читателей на новые печатные издания¹⁴, тираж которых оказывался несопоставим с распространением рукописей. Приведу пример: на сегодняшний день выявлено около 200 экземпляров рукописных Кормчих, созданных в течение XII–XVII вв., в то время как тираж первого издания составил 1 200 экземпляров. Рукописная книга не только отступала, но и начала копировать печатные издания¹⁵.

Для издателей характерно знание продукции своих современников-издателей и стремление к использованию не только технических достижений в сфере книгоиздания, в наборе и оформлении книги¹⁶, но и новые тексты. Использование чужих, заимствованных текстов не всегда носило манифестационный характер. «Чужие» тексты пытались использовать в своих, конфессиональных целях, для этого они могли последовательно перерабатываться. Содержание переработки было направлено, в первую очередь, на изгнание чуждой терминологии¹⁷. Так, например, в Требнике митрополита Петра Могилы в статье «О тайне супружества» ссылка использованного источника – католического Требника (*Rituale Romanum*) на правила Тридентского собора была заменена ссылками на «правила святых вселенских и поместных Соборов»¹⁸. При переносе этой статьи в Печатную Кормчую были опущены слова «русской речью», а также термин «парохия» (правда, в последней фразе он все-таки остался в виде «парахияльный»¹⁹).

Тиражирование открывало возможность донести до широкого круга и принципиально новые, актуальные тексты²⁰, для чего использовались печатные «листы». Такое использование печатного станка в России началось только со второй половины XVII в.²¹ Наряду с изданием ставленных грамот, 60-я глава Печатной Кормчей «О хиротонии» была издана в 1649 г. отдельным тиражом, форматом в 4^о, так как предполагалась ее раздача при поставлении в священники. Официальный характер московского книгопечатания, обязательная санкция царя и патриарха²², государственный характер распространения изданий – все это придавало новым изданиям исключительную важность в глазах русского общества, создавало, по выражению Л.И. Сазоновой, «идеологически целостное направление»²³.

Патриаршество Филарета, озаменованное острыми спорами вокруг новых изданий, сожжением книг, а также постановлением Собора 1620 г.²⁴ придало московскому православию еще более резко конфессиональный характер, чем Смутное время. Новая эпоха отгораживала православие от «чуждых влияний», противопоставляла его не только латинскому миру, но и православным соседям. Постановление Собора 1620 г. закрепило представление о благочестии исключительно как о правильно совершенных обрядах. Чужие обряды, в силу их неправильности, не обладали никакой силой «понеже ничто же в них благочестивно совершается»²⁵ и подлежали совершению вновь.

Однако эта линия не была единственной. Уже со второй четверти XVII в. можно говорить о серьезных изменениях на Печатном дворе. Они были отмечены в работах Н.Ф. Каптерева²⁶, охарактеризовавшего их как «переход к киевской учености»²⁷, А.А. Дмитриевского²⁸, А.И. Рогова²⁹, Т.А. Опаринной³⁰, Н.С. Гурьяновой³¹. Это влияние носило многоплановый характер: наряду с распространением книг украинской печати³² происходил перенос концептов западнорусских изданий в московскую книжность³³, имело место и влияние новых чинов и книжных исправлений, внесенных Петром Могилей³⁴.

Особое значение имело непосредственное участие украинских книжников в подготовке изданий Печатного двора. Документы говорят о просьбе Алексея Михайловича митрополиту Сильвестру Косову в 1649 г. прислать для книжного исправления священноинкока Арсения и Дамаскина Птицкого, потому что «еллинского языку на словенскую речь перевести умеют, и латинскую речь достаточно знают, а нашему царскому величеству такие люди годны»³⁵. Одним из книжников новой, западноевропейской учености был Евфимий Чудовский, появившийся на Печатном дворе в 1652 г., во время работы над изданием Печатной Кормчей, начатым 3 сентября 1649 г. Однако основная работа по подготовке первого печатного свода церковных канонов была проделана без его участия – именно этим определяется критика Евфимием издания, в котором он отметил «премножаишая погрешения и разума и речении оскудения»³⁶.

Изучение истории издания Печатной Кормчей и ее состава показывает, что издание следует за предшествующей московской рукописной традицией и воспроизводит свой рукописный оригинал. Однако 2 противоположных процесса: сближение с западными изданиями и использование немосковской книжности, с одной стороны, и создание конфессионально окрашенной московской книжности – с другой, отразились и на ее листах. Издание Печатной Кормчей пришлось на переломный этап истории русской культуры и на исключительно важный момент формирования правовой традиции нового времени, как государственной, так и церковной. Задержка с выходом издания, а также наличие экземпляров с разными выходными данными породило устойчивое ошибочное представление о двух изданиях Кормчих: «никоновском» и «иосифовском», которое до сих пор встречается в научных исследованиях³⁷.

Следует отметить, что к моменту выхода Печатной Кормчей в Европе уже имела столетняя традиция издания церковных канонов по греческим и латинским рукописям, причем осуществляли эти издания как протестанты, так и католики³⁸. Издания имели не практический, а научный характер: исследователи указывали, по каким рукописям они сделаны, подводились разночтения. Они были не только известны славянским книжникам, но уже делались попытки использовать их для исправления славянских текстов. Так поступил в 1604 г. священник Василий из Преображенской церкви в Люблине, когда, не сумев найти полной и исправной рукописи славянской Кормчей, обратился к парижскому изданию 1561 г. Номоканона патриарха Фотия. Сделанная им работа была растражирована – в настоящее время известно 2 экземпляра, текст в которых совпадает по принципу «лист в лист, строка в строку»³⁹ (РГБ, собр. Румянцева, № 237⁴⁰; РГАДА, ф. 181, № 1595 (около 1600 г.)⁴¹). Рукопись РГАДА содержит на последних листах и тексты отдельных собраний канонов на латинском языке. Предисловие из этой Кормчей, о содержании которого я скажу ниже, было использовано первоначально как предисловие к Печатной Кормчей.

Печатные издания собраний церковных правил появились и в кириллической печати, но они имели чисто практический характер. Это не были постановления Вселенских Соборов – в руках славянских печатников находился сборник Зонара или Псевдо-Зонара, как называют его современные исследователи⁴², в котором Апостольские постановления были соединены с рядом правил различного происхождения, сгруппированных тематически. Этот сборник, известный в письменности славян с первой половины XIV в.⁴³, был издан в Горажде (Герцеговина) в 1531 г. как приложение к Молитвеннику. О его востребованности свидетельствует воспроизведение издания в Милешево (Сербия) в 1545 г., Стратини (Галиция) в 1606 г. В Брашове (Румыния) в 1562 г. он был переведен на румынский язык⁴⁴.

Другое издание правил, также имеющее утилитарно-практический характер и адресованное духовникам, появилось на Украине в 1620 г. Это так называемый Номоканон при Большом Требнике или, как называют его современные исследователи, Номоканон Павлова⁴⁵. В основе издания лежал перевод греческого текста, сделанный на Афоне. Киевский издатель Памва Берында при подготовке издания текста обращался в том числе и к Франкфуртскому изданию Лювенклава 1596 г.⁴⁶ В 1624 г. последовало переиздание Номоканона в Киеве Захарией Копыстенским, а в 1639 г. издание Захарии после переделки и редактирования предисловия было воспроизведено на Московском Печатном дворе приложением к Требнику. В 1651 г. оно было вновь переиздано в Москве, а в 1658 г. последовало уже переработанное московское издание с добавлениями по изданию 1629 г. Петра Могилы. В 1646 г. Номоканон был издан во Львове.

Номоканон при Требнике, несмотря на наличие многих мест, указывающих на его связь с позднегреческой традицией, прочно вошел в русскую книжность, стал восприниматься как ее неизменная составляющая, хотя московские списки до печатного издания неизвестны. Этот Номоканон использовали как в старообрядческой традиции, так и в официальной Церкви. Предисловие, имевшееся к изданию 1624 г. (и расширенное в киевском издании 1629 г.) содержало список канонических книг, необходимых священникам для их деятельности⁴⁷. Этот список, возможно, явился толчком для издания

Кормчей, в состав которой вошли, в том числе и некоторые канонические памятники, указанные в списке, хотя в послесловии говорилось: «А еже написаны в начале Номоканона сего в предисловии святии отцы, преподобный отец Иоанн Зонара, и блаженный Феодор Вальсамон, патриарх Антиохийский, и блаженный Фотий, патриарх Константинопольский, и преподобный во еромонасах Матфей, и иныя святыя и сих книг не вемы известно, еже в нашей велицеи России обретаются ли, или ни»⁴⁸.

Исследование показало, что круг памятников, привлеченных для издания Печатной Кормчей, весьма широк. В него входят: 1) Кормчая Даниловского извода Сербской редакции (ГИМ, Воскр. собр., № 28)⁴⁹ – для абсолютного большинства глав. При этом с рукописи непосредственно для осуществления набора был сделан «перевод» – исправленная копия (РГИА, ф. 834, оп. 4, № 548)⁵⁰; 2) Кормчая Успенского собора («Годуновская») (ГИМ; Усп. собр., № 21/173) – для Эклоги (глава 50), Закона судного людям (глава 46), Заповеди епископам (л. 25–25 об. второго счета)⁵¹; 3) Известие об учреждении патриаршества в Москве – для Сказания об учреждении патриаршества (л. 1–37 первого счета)⁵²; 4) Грамота об учреждении патриаршества 1589 г. – включена в состав Сказания (л. 13–20 об. первого счета); 5) Перевод греческой грамоты 1590 г. об учреждении патриаршества – включен в состав Сказания (л. 21 об.–25 первого счета); 6) Требник Петра Могилы (Киев, 1646. Л. 360–396) – для главы 51; 7) Кормчая Василия Люблинского – для предисловия к Кормчей, первого варианта вводной главы (л. 1–4, исключены из окончательной редакции) и Алфавитного указателя («Каталог по азбуце») – (л. 648–679 об.); 8) Пандекты и Тактикон Никона Черногорца – для главы 71; 9) Матфей Властарь. Алфавитная Синтагма – дополнительный лист; 10) Книга о вере (М., 1648. Гл. 3. Л. 30) – вставки в Сказание об учреждении патриаршества (л. 7–8 первого счета); 11) «Книга иже во святых отца нашего Кирила Иеросалимского на осмый век» (М., 1644. Гл. 25. Л. 126–132 об.) – для статьи «О римском отпадении» (л. 10–16 четвертого счета); 12) Рукопись, содержащая Константинов дар, – для л. 1–9 об. четвертого счета. А.С. Павлов опубликовал текст по списку РГБ, Ундольского, № 1. с разночтениями по Печатной Кормчей⁵³. А.И. Плигузов предположил, что в основу был положен Троицкий список 783, где Константинов дар помещен дважды: на л. 590–599 об. и 469 об.–479 об.⁵⁴, однако оба списка не содержат помет, указывающих на использование при наборе; 13) Иоанн Златоуст. Книга о священстве (Львов, 1614. Л. 407–437) – для главы 36.

Разумеется, вопрос стоит и о причине выбора Даниловского извода как основы печатного издания. Как известно, Стоглав использовал Кормчие русской редакций⁵⁵, эта же редакция использовалась и в изданиях патриарха Филарета. С середины XV в. русские книжники активно переписывали Сербскую редакцию⁵⁶, называемую «суздальскими правилами». Списки с нее делались в том числе и в Иосифо-Волоцком монастыре, здесь же при игумене Данииле эта редакция была дополнена текстами из Студийского устава, Русской редакции и др. Если основная часть Даниловского извода перенесена была в Печатную Кормчую почти без сокращений (не был включен Трактат Епифания Кипрского «О ересях»), то вторая, дополнительная часть подверглась существенным сокращениям, указания на которые имеются в Воскресенском списке. Редактор указывал на полях, какие статьи не включать. К Сербской редакции обращались в эти же годы и книжники в Литве: с древнего списка были сделаны, по меньшей мере, 2 копии, хранившиеся в Жировицком монастыре – скорописью в первой четверти XVII в.⁵⁷ и полууставом 1634 г.⁵⁸ Ф. Добрянский ошибочно считал список скорописью копией с полууставного⁵⁹, но мое исследование показало, что эти списки восходят к общему протографу, и список, выполненный скорописью, сохранил ряд особенностей древнего списка.

Сербская редакция Кормчей была хорошо известна виленским книжникам, в то время как в Киеве ее списки, по-видимому, отсутствовали⁶⁰. Издатели Печатного двора случайно обратились к Даниловскому изводу Сербской редакции. Списки этого извода активно переписывались в конце XVI в.⁶¹ и сам список, находящийся в Воскресенском собрании, отличается изысканностью оформления. Именно этот извод был использован и для создания новой редакции Кормчей, известной в 3 списках первой половины XVII в.: РНБ, Кир.-Белозер. собр., № 3/1080, РГБ. Рогож. собр., № 272 и ГИМ, Синод.

собр., № 570. В этой редакции состав Кормчей претерпел существенные изменения: впервые редактированию подвергся Указатель XIV титулов, основная часть соборных правил была сокращена, а дополнительная часть расширена за счет включения статей, связанных с деятельностью митрополита Макария и тематикой Стоглава. Список этой редакции в 1643 г. был изготовлен Афанасием Федоровым, а при продаже его через 3 года участвовал тередорщик Федька Исаев, т.е. эта рукопись была известна в кругу лиц, связанных с Московским Печатным двором. По-видимому, наличие авторитетного списка Даниловского извода в патриаршей казне и стало причиной обращения именно к этому изводу Сербской редакции. У издателей был, несомненно, большой выбор, но они пошли по уже сложившемуся пути: воспроизведению рукописи с заменой отдельных статей на более «исправные» с дополнениями и сокращениями.

Использование украинских изданий для главы 36 «Указание от божественных писаний о непоставлении на мзде» и 51 «О тайне супружества» вытекает из логики развития Кормчей: подборка глав, запрещающих симонию, имелась уже в Сербской редакции, в основе статьи в львовском издании Книги о священстве лежала расширенная статья из Кормчей, поэтому она была вставлена как более исправная. Для составителя тема симонии была актуальной, о чем свидетельствует упоминание о ней и в послесловии.

Состав статей о браке в Кормчих также постоянно увеличивался: эта тема была связана с повседневной жизнью, с постоянной практикой священников. Исчисление родства, представляющего препятствие для брака, вызывало большие сложности. Поэтому статья в Требнике Петра Могилы привлекала внимание своей доходчивостью. Правда издатели так и не сумели решить технический вопрос при ее воспроизведении: повторить косые линии, соединявшие разное родство. Это значительно ухудшило восприятие и доступность текста. Для читателей новаторский характер этих статей прошел незамеченным: в издании нигде не был обозначен источник статьи. Новаторская по сути статья из Требника Петра Могилы, восходящая в первой части к *Rituale Romanum*, попадала в контекст хорошо известных русскому книжнику статей о браке и не стала предметом споров. В дальнейшем на нее ссылались и старожилы в своих сочинениях о браке. Между тем эта статья с требованием согласия самих брачующихся (а не родителей) и их волеизъявления на брак вносила тем самым значительные изменения в практику брака⁶². Однако никаких оснований считать, что появление этой статьи связано с патриархом Никоном, нет. Книга о священстве Иоанна Златоуста привлекала внимание русских книжников, отсылки к ней есть в московских изданиях Требника 1639 г.⁶³ и 1651 г.⁶⁴ В 1664 г. она была издана на Московском Печатном дворе.

Необходимо отметить отказ редактора Печатной Кормчей от включения чисто русских памятников: в издание не вошли послания русских митрополитов на канонические темы, княжеские церковные уставы. В Кормчей есть произведения Кирилла Туровского (главы 65, 66), но они анонимны. И хотя канонических посланий русских митрополитов не было и в протографе Даниловского извода, составитель Печатной Кормчей мог включить их, взяв из вполне доступных ему источников, как включил он Эклогу и Закон судный людям. Однако у него не было установки на включение текстов русских иерархов и князей. Не пошел он и по пути своего предшественника, составителя Кирилло-Белозерской редакции, один из списков которого отделяло менее 10 лет от подготовки издания: он не стал включать в Кормчую статьи Стоглава, хотя и подобная практика была известна на Печатном дворе. Включенные из Русской редакции Кормчей статьи – Эклога, Закон судный людям, Заповедь епископам – воспринимались как византийское наследие и были внесены в состав Печатной Кормчей. Как видим, издатель Печатной Кормчей не был ориентирован на русские памятники, в то время как византийское наследие, несомненно, представляло для него особую ценность.

Таким образом, в программе издания Кормчей можно отметить как особенность отсутствие местных памятников русского происхождения и включение текстов из украинских печатных изданий без указания источников⁶⁵. Документы Печатного двора позволяют определить те изменения, которые были внесены в Печатную Кормчую по повелению патриарха Никона⁶⁶: это Сказание об учреждении патриаршества на 37 ли-

стах в начале книги, «Константинов дар», статья «О римском отпадении» на 16 листах и добавление к послесловию (л. 647–647 об.). В самой Кормчей в добавлении к послесловию («Описание книги сей, глаголемой Кормчей, и к любезным читателем») имелось прямое указание на то, что при подготовке издания использовались многочисленные «переводы» и среди них – греческая книга, которую «свидетельствовал» Иерусалимский патриарх Паисий⁶⁷. Однако в самом тексте Печатной Кормчей нет новых переводов правил, хотя в Кормчей из Успенского собора есть указания на то, что ряд правил был сопоставлен с греческим текстом⁶⁸. В добавлении к послесловию четко обозначен путь, по которому пошла реформа: правильность выбора, использованного при издании греческого списка, была подтверждена Иерусалимским патриархом Паисием, а под целью исправления понималось церковное единство: «Яко да союз мира церковного твердо в духе кротости хранится, и да не будет несогласия ради распри в церковном телеси»⁶⁹.

Мнение восточных патриархов и указанные ими книги и обряды стали определяющими в деле книжного исправления. Само по себе это не было новаторством⁷⁰: как известно, именно авторитет Иерусалимского патриарха Феофана положил конец спорам об исправлении Требника. Конфликт возникал там, где изменения касались норм, которые входили в понятие «благочестия» и определяли повседневность: крестное знамение, поклоны, просфоры, пение аллилуйи, крестный ход, водосвятие. Отсутствие соборности в решении вопросов о правильности совершенных изменений, значительная роль личного начала в проведении реформ, вызвали противостояние последним, производимым первоначально от лица патриарха. Это противостояние отразилось и в печатных экземплярах издания Кормчей: в ряде экземпляров отсутствуют листы с именем патриарха Никона, либо имеется картон с указанием на выход книги при патриархе Иосифе, хотя в них есть и добавления, внесенные патриархом Никоном. Выходной лист мог быть оставлен не замененным по недосмотру, но это могло быть и результатом конфликта между властным патриархом и справщиками Печатного двора, который отразился и в Псалтири 1653 г.⁷¹

Патриарх Никон добавил в Кормчую иную тему, приобретающую особую актуальность в связи с войной за украинские земли – значение московского патриаршества и взаимоотношение светских и церковных властей. С этой целью в Кормчую было включено Сказание об учреждении патриаршества в качестве вводной статьи и Константинов дар в качестве приложения в конце книги. Наибольшую идейную нагрузку несла вводная статья – Сказание об учреждении патриаршества, помещенная на 37 первых дополнительных листах особого счета. Новая вводная статья заменила собой предисловие на 4 листах из Кормчей Василия Люблинского. Однако эта замена произведена была не во всех экземплярах издания. Оба предисловия помещены в Варшавском издании Кормчей 1785 г.

В первоначальном предисловии, заимствованном из уже упомянутой Кормчей люблинского священника Василия, говорилось о гибели православия: «Погибе вера, погибе наказания, погибоша училища детей, погибоша исправляющии божественная писания, погибоша поучающиеся в православных догматах, погибе по пророку крепкий, погибе сила хлеба и воды... виджь убо, аще не плача достойна суть сия окаянная времена наша, в няже увы достигохом»⁷². Выход украинский книжник видел в обращении к церковным канонам, к исправлению церковной жизни в соответствии с каноническими нормами, к поиску исправных рукописей, в том числе и в обращении к западным изданиям канонов. Предисловие получило другое окончание в Печатной Кормчей: здесь говорилось о значении благочестивого царя Алексея Михайловича в деле исправления церковной жизни.

Благодаря тому, что в Сказание вошла Грамота об учреждении патриаршества в Москве 1589 г., идея «Москвы – третьего Рима» стала достоянием широкого сознания, сделалась опорой представления о Москве как хранительнице благочестия. Текст грамоты с ее известными компилятивными высказываниями, вложенными в уста патриарха Иеремии («Понеже убо ветхий Рим падеся Аполинариевою ересию. Вторый же Рим, иже есть Константинополь, агарянскими внуцы от безбожных турок обладаем. Твое

же, о благочестивый царю, русинское царство, третий Рим благочестием всех превзыде и вся благочестивая в твое царствие в едино собрашася»⁷³), приобрел широкую известность, поэтому слова Иеремии всегда использовались в старообрядческих сочинениях для доказательства истинности «московского» православия.

Поместив Сказание в состав Печатной Кормчей, патриарх Никон, несомненно, руководствовался идеей о Москве как о хранительнице православия. Как отмечал А. Вознесенский, эта идея и раньше определяла направление московского книгопечатания и была «лейтмотивом в деятельности Печатного двора»⁷⁴. Включение в Печатную Кормчую Сказания возвращало к русской редакции Кормчей, где уже с середины XV в. имелась статья, обосновавшая автокефалию. Эта статья известна как в списках Софийской редакции Кормчей⁷⁵, так и в списках, объединивших Софийскую и Чудовскую редакции, к которым относилась Годуновская Кормчая, находившаяся в московском Успенском соборе.

Между тем в украинской (западнорусской) книжности эта функция – хранения православия – принадлежала Константинополю, и сама вера называлась верой «греческой» в противоположность «латинской». Концепт Константинополя как хранителя веры четко выражен в Книге о вере. Окружая себя греками, меняя русские обряды и облачения на греческие, объявляя греческие книги эталоном, патриарх Никон производил манифестационную смену культурной ориентации. Между тем сам он во многом оставался носителем традиционного сознания о значении Москвы как центра вселенского православия. Отсюда и его строительство Нового Иерусалима – нового православного центра. Не случайно, будучи смещен с престола, он отрицал значение восточных патриархов, доказывал их неправославие.

То, что патриарх Никон вставил в Печатную Кормчую «Константинов дар» (Грамота папе Сильвестру), логично следовало из традиции обосновывать этим текстом права церкви на имущество и неприкосновенность судов, как, например, в 60-й главе Стоглава. Но это свидетельствовало одновременно о незнании патриархом не только киевских изданий Номоканона, где содержался призыв остерегаться этой фальшивки, но и московского издания Требника 1651 г., в котором были повторены эти слова⁷⁶. Для Никона важно было утвердить особую роль патриарха Москвы – Третьего Рима и отстоять ее не только на международном поприще, но и перед «новым Константином» – Алексеем Михайловичем. Надо отметить, что далеко не все экземпляры Печатной Кормчей содержат 2 последние тетради – со статьей «О римском отпадении» и с «Константиновым даром».

Кому же принадлежал первоначальный замысел издания? Вряд ли существуют достаточные основания связывать его с патриархом Иосифом. В послесловии к Кормчей говорится о двух опасностях, которые грозят потопить корабль-Церковь: паписты и симониаты⁷⁷. При этом дана отсылка к 36-й главе Печатной Кормчей, вставленной из львовского издания. Автор послесловия упоминает «наших, иже купуют рукоположение на мзде»⁷⁸. Разумеется, эти слова не могли принадлежать патриарху, контролировавшему епископские и священнические поставления. Автор послесловия не обращается к епископам, хотя они в первую очередь должны быть читателями Кормчей. Он обращается к «православному читателю, паче же иерею и служителю Божию»⁷⁹, называя его «сверстнике»⁸⁰. Возможно, автором послесловия был украинский книжник.

Некоторые выпады против епископата и священников были сняты в ходе редактирования издания: так, например, с полей исчезли: на листе 21 «Священником и причетником в наследие и в вотчину церковью сродником своим по любви не оставляти», листе 108 «Епископом и иереомъ богатства ради от церкви к церкви не переходити», листе 108 об. «Епископ ни во исходе жития причастия достоин, дары и честию восхитивый престол, также и иереи». Не исключено, что эти выпады могли стать одной из причин задержки издания. Тот, кому принадлежал замысел издания, по-видимому, хорошо знал современные печатные издания Украины и Литвы. Материалы Печатного двора содержат указания на раздачу экземпляров. Патриарху было выдано всего 3 книги, зато царский духовник Стефан Вонифатьев получил 20 непереплетенных экземпляров⁸¹. Возможно, это отражает его роль в издании.

Таким образом, процесс подготовки издания Печатной Кормчей показывает, что еще до реформы патриарха Никона украинские и литовские издания канонических книг активно использовались на Печатном дворе, происходила постепенная смена культурной ориентации, которая противостояла тенденции культурного замыкания, декларированной в эпоху патриарха Филарета. Тем не менее постановления Собора 1620 г. издавались в этот же период: в 1639 г. и 1651 г. и становились достоянием широких кругов, приобретали знаковый характер. Происходившая смена не носила манифестационного характера, не затрагивала тех основ, которые в культуре уже воспринимались как признаки «московского православия». Вместе с тем, очевидно, что вместе с текстами приходили и новые концепты, в частности, «греческой веры», Константинопольского патриарха как верховного защитника православия, которые вступали в противоречия с уже сложившейся традицией подозрительного отношения к грекам как утратившим православие. Не случайно, в вводной статье Печатной Кормчей редактором были убраны резкие антигреческие выпады, которые переписывались из рукописи в рукопись с середины XV в. в протографе данной статьи. Вставленные из Книги о вере фрагменты о крещении Руси делали текст близким и украинским книжникам. Устанавливая непрерывную связь между крещением Руси и учреждением патриаршества в Москве, Сказание создавало основу для претензий Москвы на киевскую митрополию, приобретших особую актуальность в связи с начавшейся войной за земли Украины.

Издание свода канонов Православной Церкви значительно выдвигало Москву во всем славянском православном мире. Печатная Кормчая была востребована не только в Москве. Особое значение она имела для сербов, где являлась действующим законодательством на протяжении столетий. Издание было отправлено «безденежно» в монастыри Украины, для которых обоснование Московского патриархата, встроенное в систему канонических норм, было крайне актуально. Особо необходимо отметить статью 71, скомпилированную из глав Никона Черногорца. Произведения Никона Черногорца были известны в русской книжности с XI в. и оказали значительное воздействие на славянское каноническое сознание. В Кормчей сделана подборка, говорящая о неизменности канонов. Достаточно напомнить, что 79-я глава Стоглава, приписанная Иосифу Волоцкому, говорила об изменчивости канонического наследия, приводились примеры правил, отменявших предыдущие⁸². Несомненно, что утверждение неизменности канонов больше соответствовало эпохе «конфессий», создававшей новый, юридический взгляд на каноны. Неизменность канонов и предания стала одним из важных аргументов противников нововведений.

Сказание об учреждении патриаршества также было востребовано староверами: многие писатели приводят слова патриарха Иеремии для доказательства процветания православия в Москве. Наличие двух взаимоисключающих концептов погибели благочестия, пришедшей из польско-литовских земель эпохи унии, и цветущего благочестия, порожденного в Москве еще в середине XV в., в старообрядчестве получило новую трактовку: гибель прежнего благочестия связывалась с реформами патриарха Никона. Один из активных деятелей реформы, Евфимий Чудовский сразу же после выхода Кормчей начал новый перевод канонов с греческого языка⁸³. Совместно с Епифанием Славинецким им был переведен корпус канонических текстов, значительно превышавший переведенные за предыдущие столетия славянской письменности. Однако переводы Евфимия почти не вышли за пределы Патриаршей библиотеки, а единственными издателями перевода Арменопула (по изданию Лювенклава), сделанного Епифанием Славинецким, оказались старообрядцы, не указавшие имени переводчика.

Новое издание Кормчей последовало спустя больше чем столетие – в 1787 г. Переводы Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского никак не отразились в ее составе. Из Кормчей была исключена 47-я глава – Трактат Никиты Стифата «Об опресноках». Но не симпатии издателей к католицизму стали причиной исключения статьи, а осуждение в ней в ряду других лагинских «ересей» брадобрития, которое также стало символом в связи с новой сменой культурной ориентации.

Примечания

¹ Под культурным кодом понимается структурированная определенным образом совокупность знаков культуры. См.: *Букина Н.В.* Культурные коды как элемент пространства культуры (электронный ресурс: http://www.lomonosov.msu.ru/archive/Lomonosov_2007). Достаточно взглянуть на старообрядческий лубок, где изображены 2 церкви – старообрядческая и «никоновская» с набором отличий, чтобы убедиться в применимости данного понятия.

² *Шульгин В.С.* Религия и церковь // *Очерки русской культуры XVII в.* Ч. 2. М., 1979. С. 310; *Севастьянова С.К.* Литературно-публицистическое наследие патриарха Никона: принципы работы автора середины – второй половины XVII века. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2009. С. 20.

³ Обширная библиография имеется в работе: *Севастьянова С.К.* Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона». СПб., 2003. С. 459–483. Историографический обзор см.: *Покровский Н.Н.* Пути изучения истории старообрядчества российскими исследователями // *Археографический ежегодник за 1998 г.* М., 1999. С. 3–20.

⁴ *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Лекция 54 // *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. 3. М., 1957. С. 307.

⁵ Категория «благочестия» является исключительно важной для средневекового сознания (*Лавров А.С.* Колдовство и религия в России 1700–1746. М., 2000).

⁶ Исследования, посвященные книжной справе, как правило, носят полемический характер. См., например: *Крылов Г., прот.* Книжная справа XVII в. Богослужебные Миней. М., 2009. Как исключение можно назвать работу: *Вознесенский А.В.* К истории славянской печатной Псалтири. М.; СПб., 2010.

⁷ *Покровский А.А.* Печатный Московский двор в первой половине XVII века. М., 1913. С. 4–5; *Рогов А.И.* Книгопечатание // *Очерки русской культуры XVII в.* Ч. 2. М., 1979. С. 161–163; *Гурьянова Н.С.* Старообрядцы и творческое наследие Киевской митрополии. Новосибирск, 2007. С. 45. Правда, в последнее время А.В. Вознесенский попытался заменить термин «влияние» термином «культурный взаимообмен» (*Вознесенский А.В.* История славянской печатной Псалтири: Московская традиция XVI–XVII веков: простая Псалтирь. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2008).

⁸ *Сазонова Л.И.* Книги кириллической печати во второй половине XVI в. между Римом и Москвой // *Гусева А.А.* Издания кирилловского шрифта второй половины XVI в. Сводный каталог. Кн. 2. М., 2003. С. 1242–1270.

⁹ *Корзо М.* Украинская и белорусская катехитическая традиция конца XVI–XVIII вв. М., 2007; *Сазонова Л.И.* Указ. соч. С. 1242.

¹⁰ *Требник.* М., 1636. Л. 517. См. также: *Немировский Е.Л.* Возникновение славянского книгопечатания. История славянского кирилловского книгопечатания XV–XVII вв. М., 2003. С. 506.

¹¹ *Сазонова Л.И.* Указ. соч. С. 1247–1248.

¹² *Успенский Б.А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М., 2002. С. 388–391.

¹³ *Требник.* Киев, 1646. Л. 397.

¹⁴ Необходимо отметить, что процесс книгопечатания сопровождался уничтожением хартейных, т.е. пергаменных книг: «Из других предметов покупки наше внимание останавливают на себе многочисленные записи о приобретении старых пергаменных рукописей. Эти рукописи шли на оклейки тимпанов и флашкетов. В числе расходов для каждой печатаемой книги мы находим и покупку рукописей» (*Покровский А.А.* Указ. соч. С. 45–46).

¹⁵ *Вознесенский А.В.* История славянской печатной Псалтири...

¹⁶ Как отмечает А.В. Вознесенский, «издатели не могли не принимать во внимание новых веяний в области книжного дела, особенно в той его части, которая касалась украшения книг». (*Вознесенский А.В.* К истории славянской печатной Псалтири. С. 256).

¹⁷ *Корзо М.* Внешняя традиция как источник вдохновения. К вопросу об авторстве киевских и московских православных текстов XVII в. Два примера // *Studi Slavistici.* VI. 2009. С. 59–84.

¹⁸ *Павлов А.С.* 50-я глава Кормчей Книги как исторический и практический источник русского брачного права. М., 1887. С. 10.

¹⁹ *Кормчая.* М., 1653. Л. 524 об.

²⁰ *Сазонова Л.И.* Указ. соч. С. 1242.

²¹ *Вознесенский А.В.* К истории славянской печатной Псалтири. С. 79–80.

- ²² Покровский А.А. Указ. соч. С. 40; Поздеева И.В., Пушков В.А., Дадькин А.В. Московский Печатный двор – факт и фактор русской культуры 1618–1652 гг. М., 2001. С. 27.
- ²³ Сазонова Л.И. Указ. соч. С. 1255.
- ²⁴ Булычев А.А. О публикации постановлений церковного собора 1620 г. в мирском и иноческом «Требниках» (М., 1639) // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 2. М., 1989. С. 35–62; *он же*. История одной политической кампании XVII в. М., 2004. С. 91–94.
- ²⁵ Это строка из стиха справщика Печатного двора Савватия (*Шентаев Л.С.* Стихи справщика Савватия // Труды Отдела древнерусской литературы / Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Т. 21. М.; Л., 1965. С. 11, 23).
- ²⁶ Каттерев Н.Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Время патриаршества Иосифа. Сергиев Посад, 1913.
- ²⁷ Там же. С. 164–165.
- ²⁸ Дмитриевский А.А. Исправление книг при патриархе Никоне и последующих патриархах / Подгот. текста и публ. А.Г. Кравецкого. М., 2004. С. 40.
- ²⁹ Рогов А.И. Указ. соч. С. 161.
- ³⁰ Опарина Т.А. Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск, 1998.
- ³¹ Гурьянова Н.С. Указ. соч. С. 35–56.
- ³² О попытках прекратить распространение книг литовской и украинской печати см.: Булычев А.А. История одной политической кампании XVII в.
- ³³ Опарина Т.А. Указ. соч. С. 287–292.
- ³⁴ Дмитриевский А.А. Указ. соч. С. 50.
- ³⁵ Воссоединение Украины с Россией. 1654 г. Т. 2. М., 1953. С. 197. № 80.
- ³⁶ ГИМ, Синод. собр., № 464, л. 8.
- ³⁷ Упоминания о двух изданиях имеются в фундаментальном исследовании: Žižek J. Kormčaja Kniga. Studies on the Chief Code of Russian Canon Law // *Orientalia Christiana Analecta*. 168. Roma, 1964; *Зернова А.С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII вв. Сводный каталог. М., 1958. № 222 и № 248. Обоснование одного издания см.: Поздеева И.В., Пушков В.П., Дадькин А.В. Указ. соч. С. 276. Примеч. 34 Б.
- ³⁸ Одно из первых изданий принадлежит Филиппу Меланхтону. В 1521 г. им были изданы Апостольские правила на греческом языке с латинским переводом: *Canones qui dicuntur Apostolice promiscue a Graecis episcopis congesti. Wittembergae, 1521* (*Бенешевич В.Н.* Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII в. до 883 г. СПб., 1905. С. 18).
- ³⁹ До появления книгопечатания в славянской традиции подобные рукописи неизвестны.
- ⁴⁰ Только этот экземпляр был известен А.С. Павлову, опубликовавшему по нему предисловие (*Павлов А.С.* Заметки о Кормчей люблинского священника Василия, писанной в 1604 г. // Памятники русской старины в западных губерниях, издаваемые с высочайшего соизволения И.Н. Батюшковым. Вып. 8. Холмская Русь. СПб., 1886. С. 217–228).
- ⁴¹ Рукопись была выявлена М.В. Корогодиной, написана на бумаге литовского производства – водяной знак «лилия» (см.: *Laucevicius E.* Popierius Lietuvoje XV–XVIII a. Vilnius, 1967. № 2052). В отличие от Румянцевского списка в рукописи отсутствуют листы с концом предисловия и оглавлением.
- ⁴² *Белякова Е.В.* О составе Хлудовского Номоканона (К истории сборника «Зинар») // Старобългарска литература. Кн. 37–38. / Българска Академия на науките. Институт за литература. София, 2007. С. 114–131.
- ⁴³ Наиболее ранний список находится в ГИМ, Хлуд. собр., № 76 (*Белякова Е.В.* О составе Хлудовского Номоканона (К истории сборника «Зинар»). С. 114–131).
- ⁴⁴ Сазонова Л.И. Указ. соч. С. 1248.
- ⁴⁵ Павлов А.С. Номоканон при Большом Требнике. Его история и тексты, греческий и славянский с объяснительными и критическими примечаниями. М., 1897.
- ⁴⁶ Обращение к изданию было отмечено еще А.С. Павловым (там же. С. 56).
- ⁴⁷ Номоканон. Киев, 1629. Л. 12 об. Требник. М., 1639. Л. 3–3 об. (второго счета).
- ⁴⁸ Требник. М., 1639. Л. 90 об. (второго счета).
- ⁴⁹ Об этой группе и некоторых ее особенностях см.: *Щанов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. С. 266–267. Рукопись этого же извода из собрания РГАДА подробно описана Л.В. Мошковой (Каталог славяно-русских рукописных книг XVI в. РГАДА / Сост. Л.В. Мошкова. Вып. I. М., 2005. С. 293–315). См. также: *Жмакин В.* Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. С. 743–747.

- ⁵⁰ *Белякова Е.В.* К вопросу о первом издании Кормчей Книги // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 131–150.
- ⁵¹ *Белякова Е.В.* Источники Печатной Кормчей // Вестник церковной истории. 2008. № 3(11). С. 99–115.
- ⁵² *Белякова Е.В.* Первые опыты русской церковной историографии. К изучению Известия о поставлении патриарха Филарета и Сказания об учреждении патриаршества // Факты и знаки. Исследования по семиотике истории. Вып. 1. М., 2008. С. 208–224.
- ⁵³ *Павлов А.С.* Подложная дарственная грамота Константина Великого папе Сильвестру в подлинном греческом и славянском переводе // Византийский временник. Т. 3. СПб., 1896. С. 18–82.
- ⁵⁴ Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. Т. 4. М., 1988. С. 766. Публикация по этому списку: С. 825–836.
- ⁵⁵ *Емченко Е.Б.* Стоглав. Исследование и текст. М., 2000. С. 418–424; *Стефанович Д.* О Стоглаве. Его происхождение, редакции и состав. К истории памятников древнерусского церковного права. СПб., 1909. С. 237–276.
- ⁵⁶ От более раннего времени дошел лишь один восточнославянский список Сербской редакции 1284 г. – Рязанская Кормчая (*Щапов Я.Н.* Указ. соч. С. 139–146).
- ⁵⁷ Вильнюс. Библиотека Академии наук Литвы. F 19-243.
- ⁵⁸ Там же. F 19-242. Описание: *Морозова Н.* Кириллические рукописные книги, хранящиеся в Вильнюсе. Каталог. Вильнюс, 2008. С. 83–84.
- ⁵⁹ *Добрянский Ф.* Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковнославянских и русских. Вильна, 1882. С. 387–393.
- ⁶⁰ *Белякова Е.В.* Памятники канонического права в истории славянских церквей на пороге Нового времени // Церковь в общественной жизни славянских народов в эпоху средневековья и раннего нового времени («Славяне и их соседи»). М., 2008. С. 14–21.
- ⁶¹ *Щапов Я.Н.* Указ. соч. С. 266–267; Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века... С. 293–313.
- ⁶² *Павлов А.С.* 50-я глава Кормчей Книги... С. 47–55.
- ⁶³ Требник. М., 1639. Л. 60.
- ⁶⁴ Требник. М., 1651. Л. 719.
- ⁶⁵ В украинских изданиях в это время источники, как правило, указываются на полях.
- ⁶⁶ Ряд изменений был внесен еще при патриархе Иосифе после соборного слушания в сентябре–октябре 1651 г. (*Белякова Е.В.* К вопросу о первом издании Кормчей Книги. С. 148–150).
- ⁶⁷ Кормчая. М., 1653. Л. 647.
- ⁶⁸ Примеры см.: *Белякова Е.В.* Источники Печатной Кормчей. С. 101.
- ⁶⁹ Кормчая. М., 1653. Л. 647. Это дословное воспроизведение текста из Требника 1636 г. См.: Требник. М., 1636. Л. 517.
- ⁷⁰ *Белокуров С.* К истории духовного просвещения в Московском государстве 16–17 вв. М., 1899. С. 119.
- ⁷¹ *Вознесенский А.В.* К истории славянской печатной Псалтири. С. 244–245.
- ⁷² Кормчая. Варшава, 1785. Л. 3 об. (второй нумерации). Это же предисловие воспроизведено в старообрядческом издании – приложении к журналу «Церковь» (М., 1914. Л. 1–4) и в издании: Кормчая (Номоканон). Отпечатана с подлинника патриарха Иосифа. СПб., 1998. С. 2–21.
- ⁷³ Кормчая. М., 1653. Л. 15–15 об. (первой нумерации).
- ⁷⁴ *Вознесенский А.В.* К истории славянской печатной Псалтири. С. 70.
- ⁷⁵ *Белякова Е.В.* Обоснование автокефалии на страницах русских Кормчих // Церковь в истории России. Сб. 4. М., 2000. С. 139–161.
- ⁷⁶ Требник. М., 1651. Л. 665.
- ⁷⁷ Кормчая. М., 1653. Л. 643 об.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Там же. Л. 644.
- ⁸⁰ Там же. Л. 644 об.
- ⁸¹ РГАДА, ф. 1182, оп. 1, д. 52, л. 631.
- ⁸² *Емченко Е.Б.* Указ. соч. С. 381–385.
- ⁸³ О переводах Евфимия см.: *Исаченко Т.А.* Лексика Кормчих Книг второй половины XVII в. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986; *она же.* Перевод и толкование в «еллинословенской» школе Евфимия Чудовского (на материале «Кормчей» V-й редакции) // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 2. М., 1989. С. 192–204; *она же.* Патриарх Никон и его окружение. Чудовский инок Евфимий // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Сб. статей / Сост. Г.М. Зеленская. Вып. 2. М., 2005. С. 117–118.